

Рассказы

Д. Я. Гуренкова

Вот уже две недели, как я воюю в разведке /до этого был пулеметчиком/, на задание еще не ходил. Стоим в обороне. От полка едва ли наберется батальон. Жиденькая цепочка солдат, протянувшаяся по траншеям, каждый день рядеет. То кто-нибудь пострадает от снаряда, то пуля заденет. Так постепенно сбываются люди из строя, а заменить некем. Пополнения пока не дают. А тут еще привязалась немецкая разведка. На рассвете против первой роты раздался взрыв. Взвились осветительные ракеты, загремели выстрелы. А когда рассвело, на минном поле увидели убитого. Ни знаков отличия, ни документов не было в его карманах, только две фотографии. На одной-хозяйни фотографии в форме фельдфебеля. На второй- красивая молодая женщина, на обороте надпись "майн либен фрау". Было еще несколько попыток со стороны немцев взять пленного, но все они не увенчались успехом. Командир полка поставил задачу перед разведчиками: предохранить передний край от немецкой разведки.

И вот лежу в засаде на "ничейной" земле, патрулирую по траншеям или дежурю на наблюдательном пункте. Больше всего не люблю засаду. Лежишь на мокрой, холодной земле, курить нельзя, говорить нельзя. Прислушиваешься да тарачишь глаза в темноту. А чтобы не заснуть, периодически толкаем друг друга - и так целую ночь. То ли дело патруль: ходи по полупустым траншеям и стреляй в сторону противника, чтобы немцы думали, будто нас много. Правда к утру сильно устают ноги, но это ерунда по сравнению с засадой.

После ужина разрядка. Куда меня сегодня пошлют? Вчера я был в засаде, сегодня, наверное, патрулировать. Вошел начальник разведки в сопровождении командира взвода старшего сержанта Подгорного. Обвел присутствующих глазами и, когда стихли разговоры, сказал: "Товарищи, срочно

нужен контрольнопленный. Кто желает пойти на задачу?" Несколько секунд гробовое молчание, ни одного шороха. Потом медленно, одна за другой, стали подниматься руки. Поднял и я. А когда их стало около десятка, начальник разведки отрезал: "Все! хватит! Объясните людям план операции", — бросил он Подгорному. Тот развернул карту. "Вот пулемет! — он ткнул пальцем в условный знак. Подползаем как можно ближе и по сигналу ведущего сержанта Заренина разворачиваемся в цепь. Потом по его же сигналу делаем стремительный бросок в траншею, забрасываем пулемет гранатами, действуем решительно и быстро! Я прикрываю слева, Толмачев справа. Остальные берут пленного. Вопросы есть?!"

"Почему пулемет, а не стрелка, ведь пулемет братъ много опаснее?" — спросил я. "А ты сам пошевели мозгами", — сострил Петров. — Если уж шевелить, так тебе в первую очередь, накинулся на него Подгорный, — и смотри у меня, если и сегодня что-нибудь отчебучишь — морду набью". Он потряс кулаком перед носом Петрова. Потом повернулся ко мне и спокойным голосом сказал: "Взять пленного — это только часть дела. Другая, не менее важная, вовремя смыться. А отходить под пулеметным огнем, да еще когда в группе есть тяжелораненные, дело очень трудное и сложное. Можно провалить всю операцию. А взяв пулемет, мы обеспечиваем себе отход. Дальние пулеметы для нас особой опасности не представляют. Да и пока они поймут, что произошло с их соседом, мы уйдем."

— Ясно?"

— Так точно!

— А сейчас готовьтесь!

Отойдя от стола, я спросил Заренина: "За что он его так ласково?"

— А... Петрова?!

Петров есть Петров!... — и многозначительно добавил: Поживешь — узнаешь.

Документы, поганы, награды, письма, газеты, спички — все оставляем старшине. В карманах не должно быть ничего, кроме немецких сигарет и зажигалки. Для меня все необычно: и эти сборы, и рукопожатие товарищей, от души желающих удачи. И вот мы в строю, готовые к выполнению задания. Приняв рапорт, начальник разведки каждому жмет руку.

Холодный зимний дождь бьет в лицо. Идем по телефонному проводу, который прямым путем приводит нас к штабу батальона. Голова ничем не занята, а потому всякие нехорошие мысли появляются. Вспомнил все неудачи немецкой разведки. Наодпись на фотографии "майн либен фрау" стоит перед глазами. Стараюсь заставить думать о другом. Но о чем бы ни начинал думать, я не мог выгнать из головы мысль о предстоящей задаче.

В блиндаже боевого охранения нас ждала большая сделанная из железной бочки и раскаленная докрасна печь. Мы окружили ее, и от нашей одежды столбом повалил пар. В блиндаже сразу стало как в парилке. Подгорный объявил, что выходить рано, и время выхода он определит сам, а пока желательно, чтобы мы немного поспали.

Было далеко за полночь, когда меня разбудили. Дождь перестал. Передовая затихла. Боевое охранение осталось позади. Идем в полный рост, затем на четвереньках, и, наконец, ползком. По мокрой липкой земле ползти трудно. Часто останавливаемся, прислушиваемся. Первым ползет Заренин, за ним Ремезов, я ползу третьим. В одной руке держу автомат, в другой — противотанковую гранату. Кто ползет за мной, я не знаю, но чувствую их присутствие. Страху нет, взамен его собранность, настороженность. Поисковая группа, как сжатая до отказа пружина, готова в любую секунду броситься на врага. Внимательно смотрю на Заренина. Жду сигнала. Я слышу, как стучит мое сердце. Кажется, что этот стук могут услышать и немцы. Пытаюсь определить расстояние до немецких траншей. Местность кажется совершенно незнакомой, совсем не такой, как

как с наблюдательного пункта.

Ни одной ракеты, ни одного выстрела, словно все вымерло. И вдруг, лопнула тишина. Очередь трассирующих пуль прямо перед нами вспорола темноту. Заренин вскочил и бросил противотанковую гранату в пулемет. Тот умолк. В то же мгновение загремели гранаты других разведчиков. Сквозь дым и землю, поднятую взрывами, я с трудом увидал траншею и прыгнул в нее. Передо мной стоял немец. Вытянув руки вперед, с диким воплем, он бросился на меня. Его холодные мокрые пальцы скользнули по моей шее. Держа его за грудь на вытянутой руке, я старался не дать ему схватить себя за горло. Я бросил автомат на брусфер. Руками и коленом оттолкнул немца от себя и выхватил нож, готовый нанести удар. Немец вдруг замолчал и упал на дно траншеи. Подбежал Подгорный, он прикрывал слева. Увидел в моей руке нож и лежащего немца.

- Убил? - накинулся он на меня.

- Нет! и пальцем не тронул.

Подбежал Бабушкин и сообщил, что пленного уже взяли.

- Как еще один? - удивился он, увидя немца.

За руки за ноги мы выволокли немца, подхватили его под руки и догнали своих товарищей. Немец стал упираться. "Хлеб, хлеб остался", - по русски заговорил он.

"Иди, иди!" - подтолкнули его. Вдруг кто-то из разведчиков бросился назад. "Петров!" - крикнул Подгорный, но он уже исчез в темноте.

Немцы, видно, опомнились, стали бить из минометов, позади загремели выстрелы, мы спрятались в глубокой воронке. Смотрим в темноту. Волнуемся за Петрова. Стрельба стала утихать. "Влип", - сказал Заренин. Мне стало не по себе. Так удачно прошла операция - и вот...

Снова поднялась стрельба, вспыхнули ракеты, и на фоне их показалась бегущая фигура, низко пригнувшаяся к земле. "Сюда, сюда!" - закричали

и замахали руками разведчики. Он услышал и повернул к нам. В руках у него был вещевой мешок. "Опять за свое", - ругал его Подгорный, - но в голосе его не было злобы. Он был рад, что видит его живым. "Смотри, Петров, я когда-нибудь выполню свое обещание". Все потянулись за куривом. Я достал из пачки сигарету и тут только почувствовал, что у меня замерзли руки и нет рукавиц.

"Ну, как первый пленный?" - протягивая зажималку, спросил Заренин. "Да ничего, только вот второпях рукавицы забыл", - пожалел я. "А ты сбегай, - посоветовал он, - мы тебя подождем". Все засмеялись. Петров вон за чужим хлебом куда махнул, за своими родными рукавицами, да я бы..."

"Да беги, скорее беги" - советовали мне разведчики, хватаясь за животы. Но возвращаться за рукавицами мне почему-то не хотелось.

Стрельба утихла. В хорошем настроении, с чувством исполненного долга мы возвращались в полк.

Опираясь на костыль, я медленно пробирался между кроватями по мрачному помещению бывшего скотного двора, наспех приспособленного под полевую госпиталь. Каждый шаг давался с трудом. Мой путь лежал через весь зал к стене, вдоль которой тянулись нары. На них, почти в самом углу, моя постель. Пожилая санитарка щеткой подметала земляной пол. "Тебя зовут", - сказала она. Я посмотрел в указанном направлении, кто-то не поднимаясь с кровати, крикнул: "Разведчик иди сюда!" Он помахал мне рукой приглашая с собой.

Потихоньку я доковылял до него и сел на край постели. Он поспешно схватил мою руку и крепко сжал ее. Весь его вид говорил, что он очень рад встрече. А я тем временем, напрягал память, стараясь вспомнить, откуда знаю этого человека.

- Не узнаешь? - спросил он, не выпуская моей руки.

- Где-то видел, а где - не помню.

- Вы меня провожали в село Солнцево.

И тут я вспомнил все обстоятельства встречи с ним и расставания.

- Федор!!! - воскликнул я от удивления.

Это было ранней весной сорок четвертого.

Взвод пешей разведки на восходе солнца подходил к деревне. Кое-где из труб вился сизый дымок. К колодцу, пересекая улицу, спешила женщина. Увидя нас, остановилась на обочине, и, хотя мы были еще далеко, терпеливо ждала нашего подхода.

- Здравствуйте! Немцы есть? - спросил командир взвода.

Коромысло скользнуло с плеч, звеня, покатились в разные стороны, пустые ведра.

- Сыночки! - вскрикнула она и с плачем бросилась обнимать и целовать нашего лейтенанта. А потом всех по очереди.

Вскоре мы оказались в окружении селян. Нас обнимали, целовали, пожимали руки. А потом начались вопросы: живы ли Сталин, Ворошилов, Калинин? Правда ли, говорят немцы, что в Красной Армии одни женщины? Девушки спрашивали, какие песни мы поем, просили слова и мотив к ним.

Подшел седой сутулый старик лет восьмидесяти. Его пропустили вперед. Он снял шапку, поклонился собравшимся, а потом спросил:

- Скажите нам товарищи красноармейцы, как там на "Большой земле" люди живут?

Наступила тишина, с напряженным вниманием ждали ответа.

- Трудно живут, - сказал лейтенант. - На заводах работают по 12-14 часов, а на военных и того больше. В колхозах женщины и подростки все на своих плечах тянут. Люди делают для победы все возможное и невозможное.

Вопросы кончились - начался дележ. Каждая хозяйка считала своим долгом пригласить к себе. Но поскольку нас было двенадцать человек, а их целая деревня, пришлось держать "оборону". Меня схватили за руки женщины и потянули в разные стороны, приглашая, приглашая к себе на обед. Никто не хотел уступать.

- Бабоньки, - взмолился я, - вы меня разрвете, потерпите немного, милые, войска придут - надоедят!

- Нет! - возражали они со слезами. - Свои - не немцы, не надоедят.

То же самое происходило и с моими товарищами. Может быть наши слова на них подействовали, а может быть им надоело упрашивать, как бы то ни было, страсти постепенно утихли, мы получили полную свободу...

От жителей узнали, что в деревне скрывается немецкий солдат - дезертир, не желающий воевать против Советов. Несколько раз его увозили немцы, но он всегда возвращался обратно. Дважды пре-

дупреждал население деревни о предстоящем налете карательных отрядов.

Меня подозвал командир:

— Пойдешь с донесением, — сказал он, и прихватишь с собой дезертира. Это видать, интересный экземпляр.

Мы вошли в хату. На скамейке в военной форме сидел солдат. При нашем появлении он встал и вытянул руки по швам. Был он среднего роста, с овальным вытянутым лицом, голубыми, немного вставленными глазами. Нос прямой, волосы гладкие причесаны назад.

В общем мне он показался довольно симпатичным.

"Экземпляр" действительно оказался интересным. Только мы вышли на улицу, как из хат стали выбегать хозяйки. Те самые, которые полчаса назад обнимали и целовали нас, теперь с негодованием набросились на меня.

— Зачем ты забрал нашего Федора?!

И давали ему кто хлеб, кто пироги. Я терпеливо объяснял, что не забрал, а провожаю к командованию, и что нельзя ему одному в немецкой форме разгуливать, убить могут. А со мной никто не тронет.

В штабе я оставил Федора и развед-донесение. Мне было поручено передать лейтенанту приказание: остановиться и ждать прихода полка. Я поспешил обратно. Разведчиков я застал в той же деревне.

Вечером мы сидели на крыльце одной хаты в ожидании приказа о выступлении. Разговор шел о Федоре. Я признался ребятам, что пока шел по деревне, думал: бабы отнимут.

Вдруг, шутки смолкли, к нам шел майор из разведотдела дивизии, а рядом с ним Федор. Майор сказал, чтобы мы вывели Федора за деревню и отпустили — дальше в село Солнцево он пойдет один. Майор ушел. Наступила неловкая тишина. Чтобы ее нарушить я достал сигареты и предложил Федору закурить.

— Это трава, закурите лучше моего, — вдруг, — сказал он на неплохом русском языке и, достав кисет с самосадом, предложил разведчикам. К кисету потянулись заядлые курильщики.

— Вот это табак! — после первой затяжки говорили они. — Давно мы такого не пробовали.

За деревней мы наткнулись на хутор. Несколько человек, в том числе и я, зашли в избу. Хозяйка забеспокоилась, предлагая поесть. Ей сказали, что мы сыты и сейчас уходим. Тогда она достала из печи лепешки и стала предлагать. Все отказались. Она подступила ко мне, я тоже отказывался, как мог, но вскоре понял, что это сделать невозможно, не обидев хозяйку. Беру. А куда их деть? Все карманы забиты гранатами. Выбросить? Нет! Я слишком хорошо знал цену военного хлеба. Да и по отношению к гостеприимной хозяйке, отдавшей нам от всей души, может быть, последние крохи, это было бы кошунством. На улице я сую в руки Федора лепешки. Бери! Пригодятся! Он благодарит, и мы оба довольны.

За хутором прощаемся с ним. Желаем удачи. Никто не знает, с каким заданием он идет, а спрашивать и отвечать на такие вопросы не положено. Он быстро скрывается в темноте, а мы садимся на обочине, неспеша закуриваем. "Не будем ему на пятки наступать", — сказал лейтенант. Вскоре подошел полк, и мы заняли место в боевом охранении.

Попытка наших батальонов взять село Солнцево не удалась. Приказали обойти его стороной и двигаться дальше. Вскоре село осталось за спиной, а в нем и наш Федор.

И вот спустя почти полгода, мы как старые знакомые, жмем друг другу руки.

— Как ты живешь? — спросил он.

— Моя жизнь известна — солдатская, а твоя судьба как сложилась, зачем тебя посылали в Солнцево, мне не ведомо.

Он положил сверху подушки одеяло, подвинул выше к самой спинке кровати и начал свое повествование:

— Тогда в штабе, куда ты меня привел, спросили, есть ли еще желающие сдаться. Я сказал, что есть. И дал согласие найти таких, спрятаться с ними в каком-нибудь погребе и ждать прихода русских. В солнцезово я набрал двадцать человек. Ждал вас. Очень ждал, а пришла другая дивизия. Желающих сдаться в плен я передал командованию и с новым заданием поспешил догнать отступающие немецкие части. Вот так от одного погреба к другому шел, шел и дошел до Днестра. А потом ранило шальным снарядом. Врачи говорят ходить буду, как прежде. А пока... — он показал на забинтованные ноги. — Как только будет постоянный адрес, напишу в деревню. Там очень хорошие люди живут.

Я в свою очередь рассказал, что через дня три, после нашей встречи, ранило нашего лейтенанта. И что от той группы осталось только пять человек. А меня ранило ручной гранатой. Кости не задело, но по ночам раны болят очень сильно. Так мы разговаривали до самого ужина. Пообещав прийти завтра, я ушел.

Всю ночь я метался по постели в полубреду с высокой температурой, и только с рассветом боль утихла, и я забылся, а когда открыл глаза, то половина кровати было пустых, пуста была и кровать Федора. Я спросил соседа, куда девались люди. "Час тому назад, — сказал он, — увезли на станцию в санитарный поезд". Как жаль, что мы больше не поговорили, я даже не узнал его настоящего имени.

Надо написать ребятам о нашей встрече, им будет интересно. И не откладывая, прямо сейчас. С полчаса я колдовал над письмом. Потом сложил лист треугольником, помусолив химический карандаш, не совсем послушными пальцами старательно вывел адрес полевой почты.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Как быстро летит время, нашему городу четверть века, а кажется, совсем недавно ставили палатки, делали просеки, строили железную и шоссеиную дороги.

Давно закончился рабочий день, а мы, командир роты капитан Солдатов и я, его заместитель по политчасти, еще сидели в канцелярии, обсуждали мероприятия на следующий день и уже собирались уходить, как вдруг прибегает посыльный — нас вызывает командир полка. Быстро надеваем шинели, на ходу застегиваем ремни, по дороге строим догадки о причине вызова. Около штаба нам встретился дежурный по части.

— К командиру идете? На ковер! Ни пуха ни пера!" — в голосе его нотки сочувствия.

— "К черту!!! — сердито отвечает капитан. Дальше идем молча, на душе неприятно, не иначе кого-нибудь задержала комендатура. Рота большая: около трехсот человек, за всеми уследить трудно.

В кабинете, за большим столом, накрытым зеленой скатертью, сидели: командир, замполит и начальник штаба. Выслушив наш доклад, командир внимательно посмотрел на нас и начал тихим спокойным голосом: "Мы тут посоветовались, — он кивнул головой в сторону сидящих за столом офицеров, — и решили вашей роте, как самой организованной и дисциплинированной, поручить особое задание. На станцию прибыл эшелон с новоселами, завтра надо их встретить. Отберите тридцать человек, которые покрепче, им придется из вагонов грузить вещи на машину, а потом носить по квартирам. Работа тяжелая, но выполнить ее надо так, чтобы не было жалоб и нареканий. Этим вопросом займетесь лично."

"Такую работу мы еще не выполняли, — сказал капитан, когда мы вышли из штаба, — ты поговори с людьми, а я подумаю кого послать".

Рота в сборе. Я смотрю на солдат, как они изменились за эти годы? Подросли, возмужали, втянулись в нелегкую службу военного строителя. А как была трудна первая зима на стройке! Жили в палатках, а морозы стояли лютые, часто за сорок.

Палатки, палатки. Всю ночь топится железная печь, раскаленная докрасна — ноги жжет, а голова мерзнет. Волосы примерзают к пологу. Да, нелегко было солдатам. А командирам? Сколько требовалось настойчивости, терпения и такта, чтобы из простых парней, непривыкших к трудностям, воспитать солдат, которые теперь имеют по две-три специальности и, если надо, будут работать сутками, не уходя с объекта. Сейчас тоже трудно, но эти трудности совсем другого рода. Однако пора начинать беседу.

"Меня часто спрашивают, — сказал я, — кто будет жить в домах, которые вы строите? Один дом уже заселен людьми, приехавшими из другого города. Это научные сотрудники, инженеры и техники, пожелавшие работать и жить у нас на Урале. Вы их еще не видели, но это дело поправимое. На станцию прибыл второй эшелон, нашей роте поручено встретить. Будут заселять угловой дом. Как видите, дома не пустуют, а заселяются по мере готовности. Вы по праву можете гордиться, что первые дома на стройке сделаны вашими руками, и пока они стоят, жильцы не будут военных строителей". Далее я рассказал подробно о предстоящей работе.

К концу беседы пришел командир роты, он обратился к солдатам со словами: "Старший лейтенант вам все пояснил, я только напомню, что солдатская поговорка "наше дело поднять да бросить" здесь неприменима, надо так работать, чтобы ни одна хрустальная вещь не разбилась.

Наступило морозное утро 16 января 1958 года. Командир роты, захватив с собой двадцать человек, уехал на станцию, а я с десятком сильных и крепких парней остался встречать машины. Ждать пришлось довольно долго, наконец они стали прибывать, в кузовах стояли: пианино, холодильники, шифоньеры, стиральные машины и другая домашняя утварь. Все это добротной оббито досками.

Мало-помалу меня окружили новоселы, они спрашивали о природе, о климате этого края. Многих интересовала охота рыбалка. Мне они понравились своей простотой и веселым нравом. Вдруг, они притихли и зашушукались, я услышал: "Павел Алексеевич Есин". Кто-то мне шепнул: "Это наш самый главный начальник. К тебе идет".

К нам подошел человек лет пятидесяти, среднего роста, с крупным, немного смуглым, уставшим лицом. Одет он был в черное пальто, на голове шапка-ушанка, на ногах туфли, хотя на улице был приличный мороз. Я отрекомендовался кто я и что делаю. Он поздоровался, потом спросил: "Успеете сегодня всех расселить?" Я ответил, что мы не уйдем, пока все до последней вещи не будут в квартирах.

Было далеко за полдень, когда последним рейсом приехал капитан со своей группой. Теперь оставалось самое трудное — разнести вещи по квартирам. Время шло быстро, а ящики со двора убывали медленно. На стройке кончился рабочий день. И тут наши силы возросли — на помощь пришла вся рота.

Задание выполнено. Идем домой. "Вот и дожили до больших интересных событий, на наших глазах родился город, — вслух рассуждал капитан, — скоро он станет большим, красивым, а нас пошлют на новую стройку и опять начнем с палаток".

На бугре, где теперь дворец пионеров, мы остановились, еще раз посмотрели на новые дома. Во всех окнах горели огни — первые огни нашего города.

НА ДНЕПРЕ

Мы на Днепре, сидим в размытой весенними водами канаве. Снаряды со свистом пролетают над нами и рвутся в только что освобожденной деревне. Левый берег степной, с правобережных высот просматривается и простреливается противником. Днем движение прекращается, даже одиночному солдату нельзя появляться на дороге, забрасывает снарядами. И только узкая полоска леса, протянувшаяся вдоль берега, закрывает нашу гвардейскую дивизию от глаз наблюдателя.

Реку еще не видели, она в полукилometре от нас, за густым кустарником. Хочется посмотреть, но строгий приказ о маскировке запрещает выход на берег. К тому же часто появляется "рама", воздушный разведчик и корректировщик артиллерийского огня. Она на небольшой высоте пролетает вдоль берега. Её черная зловещая тень скользит по степи, медленно пропалзает по нашей канаве и скрывается за лесом. Проводив самолет медицинская сестра роты, блондинка средненького роста в форме рядового с медалями "За боевые заслуги" и "Оборону Сталинграда", на груди, раздает индивидуальные пакеты и показывает, как надо перевязывать раны. Её сменяет командир пулеметного взвода. Он дает нам последнее напутствие, рассказывает эпизоды из боевой жизни, о хитростях к которым часто прибегают немцы. Он воевал под Сталинградом, Белгородом. А мы, бывшие курсанты военного училища, нам всего по восемнадцать лет, фашистов видели только в кино, с волнением ждем предстоящего боя.

Наши батальоны сильны огнем и численностью. В каждой роте, сверх штата, взвод автоматчиков. Многие солдаты вооружены автоматическими винтовками. А вот лопат нашему пулеметному взводу нехватало. Придется добывать в бою.

Стемнело.

С высокого крутого берега по тропинке спус-

каемся к воде. Бежим пригнувшись. Над нашими головами проносятся очереди трассирующих пуль. Вот наш понтон — это большая деревянная лодка с высокими бортами, помещает тридцать человек и станковый пулемет, который устанавливается на специальной площадке. Последним в понтон садится командир стрелкового взвода. Он коротко напоминает задачу. Освобождаем остров, пулемету прикрывать огнем пока не выйдем на берег.

Сидим на дне понтона, из-за высоких бортов не видно реки. Саперы заработали веслами, отвалили от берега. Послышались взрывы. Все ближе и чаще. Но что это? С душераздирающим воем что-то надвигалось сверху. Мы плотнее прижались друг к другу. "Шестиствольный!" — сказал офицер. Я смотрю на саперов, они гребут спокойно, деловито. И только, когда совсем близку разрывается снаряд, нагибаются, пролетают осколки и они снова гребут. Мне захотелось посмотреть, что происходит за бортом. Я встал, оперся рукой о пулемет. По всей реке поднимались фонтаны воды. Казалось нет места, где бы не падал снаряд. Однако и слева и справа шли другие понтоны. Не доходя до берега сели на мель.

"Пошел!" — командовал офицер. Я нажал на гашетку и длинными очередями бил по острову. Стрелки медленно брели по пояс в воде, стреляя на ходу. Вот первые из них на берегу. Мы хватаем пулемет и прыгаем в ледяную воду. "Желаем удачи" — крикнули нам на прощанье саперы и понтон тронулся в обратный путь. Мы вышли на берег. Стрельба резко пошла на убыль и вскоре прекратилась совсем.

Ночь прошла спокойно. К рассвету все были на ногах, не терпелось увидеть, что там впереди, что еще предстоит преодолеть? Ночная темнота постепенно рассеивалась, день потихоньку вступал в свои права.

Тих и спокоен "Старый Днепр" медленно и величаво катит от свои воды мимо нашего острова.

Он не так широк, как тот который остался позади, но очень красив. Тишина невероятная, кажется, что на заре "Старый Днепр" сладко и крепко спит. Стало совсем светло. Внимательно осматриваю правый берег, обрывист, но есть и пологие места, удобные для высадки. Много живописного кустарника. Вообще картина достойна кисти художника. В дополнение всего от нашего берега отчалила лодка. В ней было два человека: один сидел на корме, второй — неторопливо взмахивал веслами. Со стороны было похоже на прогулку. Лодка взяла курс к правому берегу. Это мне показалось подозрительным. Я схватился за рукоятки пулемета и, припал к прицелу. Позиция для стрельбы была очень удобной. Руки так и чесались нажать на гашетку. Но без команды стрелять не решился. Рядом с нашим окопом, за густым кустом тальника, окоп командира нашего пулеметного взвода.

— Товарищ лейтенант! Немцы... Лодка!!!
Доложил. В ответ услышал голос командира батальона.

— Нет!... Это наши разведчики.
Как хорошо, что не самовольничал, на таком близком расстоянии с них бы решето было, подумал я и отшел от пулемета. Так было лучше смотреть за отважными разведчиками. Смотрел и никак не мог понять почему они не воспользовались ночью темнотой, а плывут когда стало светло? На виду у противника к его берегу. Лодку сносило течением она уже была далеко от нас на левом фланге. Вот она подошла к берегу, сидящий на корме вышел и прямым путем, в полный рост, пошел к немецким траншеям. А лодка скрылась за береговым мысом.

Немец!!!... Бей!!! — крикнул комбат.
Я подскочил к пулемету, та-та-та — застучал "максим" нарушая утреннюю тишину.
"Выше", — кричит мне второй номер. Беру выше.

"Ниже"! — беру ниже. В отличие от наводчика ему виден рикошет пули, а мне нет — закрывает кожух. "Выше"!... Я высунулся из-за щита и стал смотреть только на рикошет пули. Немец побежал, потом упал, побежал на четвереньках и ползком утонулся в кусты. Прямо напротив нас, с правого берега, ударил немецкий пулемет, пули забарабанили по щиту. Я нагнулся и перестал стрелять.

"Немец ушел, и себя обнаружили", — с раздражением сказал взводный. Я, в свою очередь, накинулся на помощника: "Ниже-выше! Раскудахтался! Вместо того, чтобы кольцо подвернуть". Он схватился за голову и с досадой сказал: "Про кольцо я совсем забыл! А ты что мне не подсказал?"

"Тоже забыл", — сознался я. Мы глянули друг на друга и рассмеялись. Это была наша первая боевая стрельба. "Давай закурим", — предложил я.

Начатая мною стрельба из пуле метной перешла в артиллерийскую. От разрывов снарядов и мин на острове все полыхает и гудит. О, как стал непохож "Старый Днепр" на предрассветный! Мы сидим на дне окопа и ждем прямого попадания.

С наступлением сумерек — приказ — делать плотки из подручных материалов. Мы кинулись в поиски чего-нибудь плавающего, но безуспешно. Стрелки оказались проворнее нас, они расхватили все, что было на острове. На наше счастье — оставить плотки! — разведка нашла брод.

Идем вдоль острова. До воды пулемет несут подносчики патронов. Я оказался замыкающим. Меня подозвал взводный. "Вон, видишь, лежит убитый? — он показал в сторону кустов. Посмотри, есть ли у него лопата?" Он произнес это так, будто это самое простое и обыкновенное дело. Но он не учел, что я новичок и вообще боюсь покойников. В своей деревне ночью не ходил мимо кладбища, а когда все-таки приходилось, то шел с замирающим сердцем готовый в любую минуту дать стрекоча.

Взвод скрылся в темноте, и я один на один остался с мертвецом. Ночью, среди кустов, на незнакомом острове. Шел, постепенно замедляя шаг,

убитый лежал под кустом, голову его закрывали низко нависшие ветки, я видел только спину да ноги обутые в ботинки с обмотками, это был наш солдат. А когда до него осталось несколько метров, по спине забегали мурашки, круто повернулся и быстро догнал своих. "нет у него лопаты", — сказал я взводному.

Бесшумно погружаемся в воду, у берега глубина по грудь, затем постепенно увеличивается, вот уже впереди торчат одни головы, да руки с винтовками. Глубина увеличивается, вода заливает рот, чтобы не захлебнуться, иду на носках. Идти трудно, пулемет тянет вниз, течение сносит в сторону. Вода как ледяная. Зубы выбивают дробь. Идем тихо и долго, только бы не обнаружили, только бы в таком беспомощном положении не попасть под огонь. Выходим быстро и молча на невысоком обрыве устанавливаем пулемет. Все идет хорошо. Последняя рота почти у берега. Вдруг, началась стрельба, с криками: "Русь-буль-буль!" Немцы пошли в атаку. Поздно!... Хотя и вода течет с нашей одежды, но мы уже на земле. Огонь!!! и притихшая кромка берега ожила, она хлестанула по немцам всею мощью своего огня. В ружейно-пулеметной пальбе потонули немецкие крики, исчезли ленты трассирующих пуль. Немецкая атака захлебнулась.

"Встать!!!... Вперед!!!" — звучит голос комбата. Стрелки в один миг выпрыгнули из-под обрыва и исчезли в темноте. Я выдернул ленту привел пулемет в походное положение, и мы бросились за ними. Бежим изо всех сил, пулемет за что-то цепляется, яростно дергаем и бежим дальше. Когда мы догнали своих, они уже были в немецких траншеях. Эта первая удача нас радует, но ликовать рано все еще впереди.

Утро нас встретило новыми боями. Небольшая деревушка несколько раз переходила из рук в руки. Здесь мы встретились с немецкими танками, под их натиском оставили деревушку и заняли оборону вблизи окраины.

Все перемешалось, перепуталось, где какая рота, какой взвод взвод — определить невозможно.

"Смотри, смотри! — показал мне Володя Карпенко. — Немцы к атаке накапливаются!" Перебежками по несколько человек, они исчезали за кустами, недалеко от нас. Я дал по ним несколько очередей и... вместо ответного огня, поднимается во весь рост офицер, на груди его сверкали ордена. /Курсанты награды не имели/. "ты что, с ума сошел?! — крикнул он в мой адрес. — По своим стреляешь! В трибунал захотел?!" Мне стало как-то не под себе, а он продолжал распекавать. Вдруг, как из-под земли появился командир взвода. Огонь!!! — командовал он. "Товарищ лейтенант, там свой". — Огонь!!! Я нажал на гашетку, распекавший меня офицер рухнул, как скошенный. Порядок вскоре был восстановлен. Каждый нашел свое подразделение и снова пошли в атаку. Пробегая мимо кустов, по которым стрелял, я увидел убитого провокатора в нашей военной форме, с погонами капитана. К вечеру мы отшли к своим траншеям.

Быстро надвигались сумерки, стрельба затихла, но тишину нарушил стон раненого. Кто-то стонал на ничейной земле, где-то рядом с немцами. В промежутках между стонами призыв о помощи.

"Р о б я т о ! П о м о г и т ё!" — он кричал так жалобно, и нам хотелось ему помочь. К нам подошли два стелка, они попросили чтобы мы, в случае чего, прикрыли их огнем, а они поползут за раненым. "А вы спросили командира?" — поинтересовался Карпенко. "Офицера у нас нет, а сержант не запрещает". Тогда подождем нашего взводного", — сказал я. А то мы сегодня напорлись на одного типа. Я рассказал о провокаторе. Вокруг нас собралась небольшая группа. Пришел взводный. "Слышите, как белогвардеец старается?" — спросил он. Мы переглянулись, а он продолжал: "В нашем полку, а то и во всей дивизии нет таких которые произносили бы так слова: "Робято, помогите". Это чужой. Им нужен язык, вот и заманивают в ловушку. В расчете на вашу неопытность наша разведка захватила пленного на до-

просе он сказал: "Мы знаем, что против нас воюют юнкера — сталинские орденосцы."

Брешет! — не выдержал Карпенко. Кто из курсантов орденосец? Уж не я ли? Он выпятил грудь и важно развел руками, как будто у него на гимнастерке была уйма наград. "Орденосец, — поправил кто-то, — Восемь раз просил десять раз отказали". Все рассмеялись, а когда шутки утихли, командир как бы подвел итог беседы: "Орденосец — так будут. У вас все впереди: и бои, и награды. Но для победы мало быть смелым и хорошо стрелять, еще надо быть бдительным, уметь распознавать врага в любой маскировке. А враг наш хитрый, опытный и сильный — танковая дивизия СС "Мертвая голова". "Ого!" в один голос вскрикнули мы, ошарашенные такой новостью.

САМЫЙ КОРОТКИЙ БОЙ

Бои на Днестре были невероятно тяжелыми, уцепившись за клочок земли, мы старались расширить плацдарм, отнять у немцев господствующие высоты, а они — утопить нас в Днестре. Иногда в сутки отбивали до двадцати атак и более и сами ходили несчетное количество раз. Но все они чем-то похожие друг на друга, слились в какой-то общий фон. И только один, самый короткий бой, я помню до мельчайших подробностей. Может быть он и стерся бы из моей памяти, как многие другие, если бы... Впрочем все по порядку.

Песок, песок — в пилотке, в карманах, в ботинках, скрипит на зубах. Кажется, нет на тебе места, где бы его не было. "В таких условиях, — наставлял нас командир взвода, — часто бывает поперечный разрыв гильзы, гильзоизвлекатель держите всегда под рукой. Лучше всего в маленьком карманчике брюк". Я так и сделал. И вообще я

прислушивался к каждому слову взводного. О! Как мне потом пригодилась его наука, она не один раз спасала жизнь мне и моим товарищам, но это потом, а пока... Обеспокоенные за свою технику пулеметчики при каждой возможности чистили пулеметы. Чистили по очереди, в любую минуту могли появиться немцы. Так было и на этот раз. Первый расчет чистил пулемет, а мы ждали своей очереди. Вдруг в траншее появился, тяжело дыша командир роты. "Остаешься за меня, - бросил он на ходу взводному, - Немцы во фланг пошли! Первый взвод! Пулемет! За мной!!"

Бежим к реке, едва успеваем за стрелками, спускаемся в старое, сухое русло Днепра, оно выводит нас к левому флангу. Выбегаем на берег. Перед нами открытое поле - ни бугорка, - ни кустика, как огромный стадион. Навстречу нам идут немцы. Их - много. К бою!!! Рассыпались в цепь залегли. Огонь!!! Я нажал на гашетку, пулемет дал короткую очередь и остановился. Нажал еще раз - молчит. Глянул на рукоятку, она не возвратилась на ролик - стоит посередине. Пробую достать рукой, чуть-чуть поддалась. "Поперечный разрыв гильзы", - догадался я. Кинулся в карман за гильзоизвлекателем, но увы! Его там не было! Палец провалился в дырку. Теперь, чтобы найти его, надо разуться, размотать обмотки. Не успеть. А без пулемета не сдержат. Меня бросило в жар. Впервые в жизни я почувствовал полную ответственность за жизнь своих товарищей, за исход боя. Мысли работают лихорадочно что делать? Что?! А тут еще командир роты кричит благим матом: Пулемет!!! Пулемет!!! ...Бога мать!!! Он еще кричал про каких-то святых я уже не слушал. Быстро вскочил на ноги, в полный рост и коблуком со всей силы стал бить по рукоятке. На чистом поле я стоял один, как мишень. Вокруг меня свистели пули, но я не обращал на них внимания. Яростно бил по рукоятке. Она медленно опукалась на ролик. Глянул на Володю, он лежит за щитом уткнувшись лицом в траву. Если меня убьют он будет делать тоже самое, что я если успеет.

Мысли работают четкую. Я вижу все поле боя. Немцы быстро приближаются. Наш взвод, распластавший на земле, кажется жалкой горсткой, против надвигающейся лавины. Стрелки нервно передергивают затворы и ерзают после каждого выстрела пятясь назад. Теперь пулемет был метрах а пяти впереди цепи. Нервное напряжение достигло невысшего предела. Стоит только одному дрогнуть и побегут. И побежали бы, если бы не знали, что отступать некуда - позади Днепр. Если бы еще не надеялись на пулемет. Но вот рукоятка стала на место, я падаю, откидываю крышку короба, натренированные до автоматизма еще в училище, руки работают сами. Виновница задержки - шейка гильзы, вышла на втором патроне. Еще секунды и пулемет заработал. Стреляю почти в упор. Вижу, как падают немцы скошенные пулями. Наконец, они не выдерживают и поворачивают обратно. "Бегут, бегут!" - кричит мне, под самое ухо, Володя.

Атака отбита.

"Встать!!! За мной!!!" - кричит ротный, и мы бежим старым путем, на свои прежние позиции.

Второй номер разбирает пулемет, ему помогали подносчики патронов, а я разматывал обмотку. Подошел командир взвода. "Что у вас с пулеметом?" - спросил он. Карпенко бойко доложил: "Все в порядке, товарищ гвардии лейтенант, станковый пулемет недоступен для пехоты противника, пока есть патроны и жив хотя бы один пулеметчик!" Я рассказал, как было, он покачал головой. "Да история", и, немного подумав добавил: "Считай, что на этот раз тебе крупно повезло."